

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

С. А. Алешина

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

(на примере Оренбургской епархии)

УДК 37.017.93
ББК 74.200.51

В статье представлен анализ традиций православного образования в России на примере Оренбургской губернии (XIX – начало XX в.). Показано влияние церковно-приходских школ на религиозную жизнь населения, распространение грамотности, утверждение в народе православного учения, веры и нравственности.

Ключевые слова: «система религиозно-нравственного патриотического воспитания»; «традиции христианской педагогики»; «система религиозного образования»; «церковноприходские школы».

S. A. Alekhina

TRADITIONS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN EDUCATION (on the example of the Orenburg diocese)

The paper presents an analysis of the traditions of Orthodox education in Russia on an example of the Orenburg province (XIX - early XX century.). Shows the influence of parochial schools in the religious life of the population, literacy, the approval of the people of the orthodox doctrine, faith and morals.

Key words: «the system of religious and moral patriotic education»; «Christian tradition of pedagogy»; «system of religious education»; «parish schools».

Приоритеты государственной политики в области воспитания и социализации детей нашли свое отражение в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года. Сегодня этот законопроект вступил в стадию общественного обсуждения, поиска форм и средств его реализации. В законопроекте отмечается, что становление российской гражданской идентичности, укрепление нравственных основ общественной жизни, успешная социализация детей, их самоопределение в мире ценностей должно быть основано на традициях многонационального народа Российской Федерации. Традиционно в истории отечественного образования особая воспитательная роль отводилась религиозному воспитанию.

Православная педагогика была призвана определить нравственные ориентиры для праведной жизни, утвердить самобытный подход к воспитанию, направленный на развитие религиозно-нравственного чувства в человеке [7. С. 215]. Участие духовенства в образовательной политике было исторической традицией русского государства.

На рубеже 1870–1880-х гг. волна народовольческого террора и угроза социальных потрясений заставила правительство вновь обратиться к церкви. В 1879 г. Кабинет министров выразил «единогласное убеждение, что духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народны-

ми делами». В 1881 году убежденный либерал-западник министр финансов А. А. Абаза заявил: «Цель правительства — доставить народной школе нравственно-религиозное основание — столь неоспоримо верна и составляет вопрос такой первостепенной важности, что министерство финансов даже при самом неблагоприятном состоянии казначейства считало бы себя обязанным изыскать потребные на то средства» [21. С. 127].

С начала 80-х гг. XIX в. правительство стало активнее использовать православие для сохранения единства Российской империи. В связи с этим стали активно создаваться церковно-приходские школы.

Многие православные ученые, такие, как архиепископ Евсевий (Е. П. Орлинский), протоирей И. И. Базаров, И. Д. Белов, В. Ф. Владиславов и другие создали целую теорию православного обучения и воспитания, основными положениями которой были:

— **воспитание должно строиться** так, чтобы утверждать в народе религиозные и нравственные устои и распространять первоначальные полезные знания;

— **о воспитании должны заботиться** все: церковь, семья, общество и государство: «Истины веры и правила нравственности сообщаются каждому человеку, прежде всего, в семье, его родителями и старшими родственниками, а потом вместе с таинствами передаются церковью, ее пастырями и учителями» [2. С. 394.];

— **опора в воспитании на научные** знания о человеке, а также науки о

воспитании, включая религиозно-философское учение.

И здесь, на наш взгляд, очень современно звучат мысли, высказанные К. П. Победоносцевым в его работе «Воспитание характера в школе»: «Иные философы склонны думать, что душа ребенка подобна листу бумаги, на который воспитатель может писать, что ему угодно, и что в этом состоит главное орудие воспитания. Такие философы думают, что всякое знание происходит от чувственных представлений и все умственные процессы суть не что иное, как видоизменение и совокупление ощущений... В этом методе не остается места самостоятельности ученика: вся работа принадлежит учителю... Долг воспитателя — возбудить в нем самодейственную жизненную силу и утвердить в нем сознание, что он может и должен сам содействовать своему духовному росту» [25].

В церковной периодике стали публиковаться статьи, в которых говорилось о недостатках светской школы: отсутствие религиозно-нравственной составляющей обучения, зубрежка. Поддерживая церковные школы, исследователи утверждали, что лишь религиозное просвещение необходимо и близко народу. Проводником религиозного просвещения должны были стать в первую очередь церковно-приходские школы.

Отметим, что в Оренбургской епархии подобные школы были организованы уже в 1837 г., и в 1841 г. их насчитывалось уже 12 [27. С. 393].

Проведению намеченного курса способствовало то, что в апреле 1880 г. главой духовного ведомства был

назначен К. П. Победоносцев. Обер-прокурор выдвинул свою программу, согласно которой религиозное мировоззрение должно было стать главным противовесом разрушительным тенденциям, а залогом оздоровления общества — нравственное перерождение людей.

В церковно-педагогической прессе этому давалось следующее разъяснение: «В наш век безверия, когда материализм из высших классов общества проникает все более и более в среду крестьянского населения, на воспитателе лежит обязанность поднять в душе своих учеников сознание духовной стороны человека. Житейские заботы поглощают все внимание людей..., материальные интересы ... изгоняют из его головы мысли более возвышенного свойства... Учитель должен глубоко запечатлеть в душах своих учеников то чувство нравственного достоинства и те положительные верования, которые помогли бы им со временем устоять против стольких пагубных посторонних влияний» [13. С. 126].

Эти идеи нашли поддержку у священнослужителей, непосредственно связанных с делом воспитания и обучения на местах.

Так, в Епархиальных ведомостях за 1889 г., выходящих в Оренбурге, говорилось: «Не получая в детстве твердых основ христианской жизни, молодое поколение стало заметно уклоняться от чистой веры и нравственности. Раннее знакомство с пороками, о которых прежде в молодые лета и не снилось крестьянству, частые раздоры, непочтение к родителям, участие даже в политических преступлениях

стали чаще прежнего повторяться» [14. С. 88].

Оренбургские церковные власти имели все основания тревожиться и по поводу раскола. И духовные, и гражданские власти сходились во мнении о том, что учреждение в городах и селах Оренбургской епархии церковно-приходских школ и школ грамотности поможет справиться с этим явлением, противодействовать расколу. В указанных школах дети раскольников волей-неволей знакомились с основами православной веры, нарушалась их замкнутость, уменьшался фанатизм, присущий раскольникам. Однако, как отмечали сами священнослужители, процент детей из семей старообрядцев в школах был небольшой. Так, в 1893 г. из 10512 учеников только 64 были из указанных семей [5], в 1911 г. из 31371 учеников церковно-приходских школ таких детей было всего 150 [6].

При К. П. Победоносцеве в пользу духовного ведомства ущемлялись права некоторых светских организаций. Синоду был передан ряд учреждений, компетенций и бюджетных статей. Непрерывно увеличивая дотации Синоду, правительство сокращало финансирование начальных школ Министерства народного просвещения. Это привело к тому, что рост последних практически прекратился. Местному учебному начальству предписывалось содействовать открытию церковных школ.

Кроме того, в 1880–1890-е гг. РПЦ, как и при Николае I, выдвинулась на первый план в официальной идеологии и стала важной частью «образа самодержавия». Это нашло свое

отражение в активном строительстве новых храмов в «древнерусском стиле», в реставрации древних святынь, в проведении юбилейных церковно-общественных торжеств (1000-летие со дня кончины св. Мефодия, 900-летие крещения Руси и др.). Синодальные типографии в несколько раз увеличили выпуск своих изданий, возник целый ряд новых церковных газет и журналов, главным образом — недорогих изданий для народа, выходявшие массовыми тиражами [10. С. 326].

Усиление в жизни общества церковных начал предполагало борьбу с секуляризационными тенденциями нового времени. Ужесточились правила, которые необходимо было соблюдать в светской жизни. Хотя вряд ли можно расценить как «мракобесие» вполне понятные запреты не устраивать театральных представлений в Великий пост, не торговать спиртными напитками вблизи храмов и монастырей, а уж тем более обращение к властям промышленных предприятий по поводу освобождения рабочих от труда в религиозные праздники. Несколько расширился курс преподавания в гимназиях церковно-славянского языка и Закона Божия.

Реакция на эти нововведения была неоднозначной: либерально настроенные современники довольно негативно отзывались на возврат к «временам Московского царства». Консерваторы давали следующую оценку: «Это была эпоха великого оживления церковной жизни во всех ее сторонах и проявлениях» [8. С. 19].

В рассматриваемый период впервые в законодательно-нормативной

документации наряду с ранее существовавшей общеобразовательной целью начального образования — «распространение первоначальных полезных сведений» — появляется идеологическая цель: «утверждение религиозных и нравственных понятий...». Идеологическая роль обучения религии проявляется в установленном законом праве церковных лиц (местных приходских священников) контролировать соблюдение религиозной направленности во всех начальных учебных заведениях [8. С. 42].

Для того чтобы усилить идеологическое влияние православия, действующее законодательство было дополнено следующими положениями: «Председательствовать в училищных советах как в уездных, так и губернских, а равно быть избираемыми в члены оных от земств и городов, имеют право одни только лица христианского вероисповедания» [11. С. 70].

По предложению Св. Синода № 2955 от 25 июня 1884 г. 13 июля 1884 года Александр III подписал указ о преимущественном устройстве начальных церковно-приходских школ и о введении в действие «Правил о церковно-приходских школах», за исключением Рижской епархии, а также Великого Княжества Финляндского [20. С. 22]. Этим Указом и Правилами на епархиальных архиереев возлагалась обязанность поддерживать церковно-приходские школы и создавать новые в тех местностях, где не имелось начальных школ других ведомств.

Высшее управление всеми церковно-приходскими школами осуществлялось Св. Синодом, а в каждой

епархии был учрежден Училищный совет.

К функциям Училищного совета относились: составление ежегодных отчетов по школам, обсуждение вопросов улучшения церковно-школьного дела, обеспечение влияния церкви на дело обучения и воспитания во всех начальных народных училищах.

Законом 5 июня 1895 г. Духовное ведомство учреждает должность епархиальных, окружных и уездных наблюдателей школ, таким образом создавая свою инспекцию начальных училищ [22].

После определенного периода «затухания» церковно-приходских школ, в 1880-е гг. начался процесс активизации их деятельности. С 1 января 1896 г. государство стало активнее поддерживать церковно-приходские школы за счет средств Государственного Казначейства по смете ведомства Святейшего Синода по следующим статьям: на содержание существующих и открытие новых церковно-приходских школ и школ грамоты; на устройство и содержание второклассных с учительскими курсами для подготовки учителей школ грамоты. Значительные суммы выделялись из губернского земского сбора, пособий благотворительных фондов и за счет средств, отпускаемых по смете Министерства Земледелия и Государственных Имуществ на преподавание в народных школах предметов сельскохозяйственного профиля [1. С. 24].

В целом, школы церковного ведомства получали в среднем в 2 раза больше субсидий, чем министерские школы.

С 1891 г. действовал циркуляр, тормозивший открытие земских школ. Циркуляр требовал от учебного начальства Министерства народного просвещения получать согласие Епархиального Училищного Совета на открытие новой школы в селении, если там уже имелась школа Духовного ведомства. Такое согласие было получить довольно сложно.

Эта политика в земских губерниях вызывала недовольство со стороны крестьян, так как уровень образования в церковно-приходских школах был ниже, чем в министерских, а затраты выше, чем на земскую школу. Известно мнение крестьян: «Мы согласны скорее остаться без всякой школы, чем тратиться на церковно-приходские, так как по опыту знаем, что в тех селах, где есть земская школа, крестьянские школы обучались грамоте за самое короткое время, посещали школу охотно, а от церковно-приходской школы проку не видели» [1. С. 25].

В неземских губерниях, к которым относилась и Оренбургская, картина по большей части была другой. Там крестьяне поддерживали открытие церковно-приходских школ, так как число начальных школ Министерства народного просвещения было крайне низким.

Рассмотрим этот процесс на примере Оренбургской губернии. Так, выполняя Высочайший указ Оренбургский архиепископ ВенIAMин (Смирнов) издал резолюцию об объявлении Указа и Правил духовенству, а также указания Консistorии о предоставлении отчетов по организации и

ведению дел в церковно-приходских школах, существовавших в губернии.

Вскоре был организован Епархиальный Училищный Совет, в который вошли ректор Оренбургской Духовной семинарии протоирей Федор Дмитриевский (председатель), законоучитель Учительского института протоирей Павел Поспелов, член Консistorии священник Андрей Невзоров, законоучитель Военной прогимназии священник Федор Смиренский, преподаватель Духовной семинарии Петр Поздеев [15. С. 1].

Цель учреждения церковно-приходских школ определялась следующим образом: распространение грамотности, утверждение в народе православного учения, веры и нравственности.

Отличительной особенностью этих школ от других типов начальных школ являлось то, что обучение в них было органично включено в целостную систему религиозно-нравственного патриотического воспитания.

На 1886 г. в Оренбургской губернии было 37 церковно-приходских школ [15. С. 1]. Состояние их было довольно плачевным. Школы часто располагались в непригодных помещениях — сторожках при церквях, наемных квартирах, в домах священнослужителей. Учителями и заведующими, как правило, были люди духовного звания.

В школах ощущался недостаток квалифицированных кадров, особенно в условиях быстрого роста школ данного типа. Так, в 1893 г. количество церковно-приходских школ составило 240, в 1896 г. — 341, в 1897 — 382, в

1902 г. — 534, в 1903 г. — 535, в 1904 г. — 335 [3].

Проблема подготовки педагогических кадров, в том числе и церковно-приходских школ, а также законоучителей, оставалась острой на всем протяжении позднеимперского периода.

Одним из способов «повышения квалификации» стали учительские съезды и педагогические курсы, которые ежегодно в масштабах страны устраивались Училищным советом при Святейшем Синоде. Начиная с 1894 г., такие краткосрочные курсы стали проводиться и в Оренбуржье. Инициатором нового дела стал наблюдатель церковно-приходских школ Николай Полетаев, под руководством которого в помещении семинарии летом 1899 г. прошли курсы, на которых большое внимание было уделено проблеме общей дидактики и методики.

В частности, разбирался вопрос, как сделать доступным детям «истины религиозной морали». Ответ звучит так, что любой предмет дает благодатную почву для этого: «Сама отечественная история изобилует подобного рода уроками, так, что из каждого, вновь объясненного ученикам события учитель может вынести какую-нибудь мораль». Для чистописания предлагались такие предложения: «Мы должны, если обстоятельства того требуют, уметь приносить нашу жизнь в жертву Богу и Отечеству»; «Праздность есть мать всех пороков»; «Есть только одна никогда не увядающая красота, — это красота доброго сердца и благодарной души» и др.

Успешный опыт организации курсов сделал их проведение регу-

лярным. К 1903 г. в губернии было 5 второклассных церковно-приходских школ, где был и учительский курс [4]. Особое внимание уделялось молитве, посещению храма в воскресенье и праздничные дни. Дети участвовали в богослужении, занимались в певческих хорах.

Главным предметом был Закон Божий. С ним системно были связаны церковно-славянская грамота и церковные пения. Недостаток педагогической и методической подготовки преподавателей представлял большую проблему, что отчетливо видно из отчетов наблюдателей церковно-приходских школ: «Училищный Совет в виду многих замеченных недостатков в преподавании Закона Божия и малой успешности учеников в некоторых церковных школах вследствие частого опущения уроков учащимися в школах, журнальным определением от 11/24 марта 1894 г. № 5, утвержденным Его Преосвященством, постановил поставить на вид духовенству, что оно должно считать себя безусловно обязанным преподавать Закон Божий в церковно-приходских школах и что оно не вправе уклониться от этой обязанности под предлогом исполнения приходских треб» [19. С. 18].

В школах большое распространение получило внеклассное чтение религиозно-нравственной литературы, однако сдерживающим обстоятельством был недостаток библиотек. Так, в Илецкой школе Оренбургского уезда выписывались на церковные средства журналы «Церковно-приходская школа», «Досуд и дело». В школьной библиотеке было всего 20 книг, которые

могли бы использоваться для внеклассного чтения. В Ключевской школе в 1891—1892 учебном году библиотеки не было, и священник О. Лебедев предоставил в пользование свою библиотеку. Кроме того, у него был так называемый «волшебный фонарь» с набором картин священно-исторического содержания. Их рассматривали дети в святочные вечера [19. С. 39].

Особое внимание в этих школах уделялось «трудовому воспитанию». Согласно § 7 Высочайшего учреждения 13 июля 1889 г. правилами о церковно-приходских школах епархиальным архиереям было представлено право открывать при этих школах особые ремесленные отделения. Это начинание развивалось чрезвычайно медленно — в 1892—1893 учебном году только 44 школы вели ремесленные занятия (в 21 епархии). Причинами такого положения дел было отсутствие преподавательских кадров — мастеров ремесленного дела, теснота, недостаток помещений, нежелание крестьян отдавать детей для обучения ремеслу и др.

Однако сам Обер-Прокурор Святейшего синода взял под свой контроль данное начинание, чему подтверждением является представление Государственному Совету от 23 апреля 1895 г. за № 360, в котором настоятельно рекомендовалось открыть ремесленные классы при второклассных церковно-приходских училищах.

Необходимость «распространять в народе знание ремесел» объяснялась помимо прочего тем, что: «Каждый крестьянский дом у нас в то же время — маленькая мастерская, в кото-

рой приготавливаются многие предметы домашнего обихода: посуда, утварь, сельскохозяйственный инвентарь, одежда, наряды и пр. Кто внимательно наблюдает деревенскую жизнь, тот удостоверит, что в селениях, где фабрика убила домашнее производство, или где оно совсем не развито, в долгие зимние вечера молодежь, если не на улице или в кабаке, так спит дома за печкой; нужда и нищета гонят мужа к пьянству, а жена и дети идут под окна побираться Христовым именем» [12].

С увеличением субсидий, отпускаемых Синодальным Училищным Советом, ремесленные мастерские при школах к концу 90-х и XIX в. стали активно развиваться. Известно, что в Исаевской школе Оренбургской епархии в 1899—1903 гг. велись занятия по столярному делу. Обществом села Исаево был снят особый дом под мастерскую и квартиру учителя ремесленного класса. Учителю платилось жалование — 10 руб. в месяц. Ученики делились на две группы, занятия велись через день. Велся классный журнал, где отмечалось то, что делает каждый ученик и его успехи в этом. Ученики учились делать парты, рамы, столы, классные доски, шкафы, скамейки, кровати, табуреты, киоты для икон, этажерки. Подобные занятия велись при Исакинской школе Бугурусланского уезда (Самарская епархия). Кузнечно-слесарным мастерством занимались ученики Архангельского прихода Оренбургской епархии. Переплетное дело преподавали в Приченске и Елецкой школе Оренбургской епар-

хин. В Илецкой школе обучали сапожному и башмачному мастерству. Мастерские также содержались за счет средств города.

Всего же по империи с 1895 по 1901 г. было обучено ремеслу в церковно-приходских школах 3095 человек [16].

Среди учащихся церковно-приходских школ были дети не только православных, но и других конфессий. Так, в 1902 г. учитель Булановской церковно-приходской школы Оренбургского уезда С. Княгинин писал: «В начале прошлого учебного года многие из башкир деревни Темирбаевой и Киндеуз просили заведующего школой и учителя принять их сыновей в школу. До этого в ней обучалось четверо магометан. Некоторые изъявили желание, чтобы их учили Закону Божию. Так, церковная школа, привлекая к себе иноверцев, может послужить не только проникновению в их среду русской гражданственности, но и ознакомлению с православной верой и усвоению начал христианской жизни» [16. С. 54].

Церковь обращала особое внимание на воспитательную сторону школьного обучения. Так, попечитель Кундравинской женской церковно-приходской школы священник Петр Сементовский обращался к прихожанам-родителям с просьбой не удерживать детей без надобности дома. Отпускайте с молитвою их в школу, с тем внушением им, что преподаваемое им там хорошо и полезно, — пусть это знают от вас. Пусть знают они, что нерадение их, леность тяжко оскорбляет вас — их родителей.

Церковно-приходские попечительства играли большую роль в содержании школ (покупка помещений, ремонт, приобретение учебной литературы, плата учителям и т. д.). Так, например, в 1892 г. от попечительства и благотворителей поступило на содержание церковно-приходских школ в Оренбургском уезде — 312 р., в Челябинском — 170, в Троицком — 541, в Верхнеуральском — 20 р. Всего 1565 руб., сумма весьма значительная для того времени [17. С. 8].

Правительство также поддерживало эти школы. Ассигнования увеличились с 1892 г. по 1903 г. в 180 раз. К 1903 г. в России 1/3 всех школьников обучалась в церковно-приходских школах [24. С. 556].

Подобная тенденция была и в Оренбургской епархии. В начале 1900 г. количество церковно-приходских школ составило 586, включая сами школы (198) и школы грамоты (388). Из 198 церковно-приходских школ было 10 двухклассных и 188 одноклассных [9. С. 81].

К началу века наметилась положительная тенденция — замена на учительских должностях духовных лиц специально подготовленными педагогами. Так, в 1905 г. в церковных школах Оренбургской епархии из 616 учителей и учительниц 419 получили специальную педагогическую подготовку. Не получивших учительского свидетельства в начальных школах было 197 [19. С. 22].

В целом, необходимо признать, что школы Духовного ведомства оказывали благотворное влияние на религиозную жизнь населения, заметно

смягчая грубости семейных нравов, сквернословия, уменьшались случаи пьянства, кулачных расправ.

Отметим и такой вид помощи учащимся, как всевозможные общества.

Так, в Перми действовало Общество содействия начальному образованию при Кирилло-Мефодиевском мужском училище и Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского епархиального женского училища и др.

Благотворительные общества действовали на основании уставов. В уставах определялась цель, задачи, сфера компетенции, формы деятельности, средства и организация управления обществ. Так, например, в уставе Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Оренбургского духовного училища была обозначена цель: «попечение о недостаточных учащихся Оренбургского духовного училища». Способы оказания помощи предусматривались следующие: взнос платы за обучение, бесплатная выдача книг и учебных пособий из числа одобренных духовным ведомством и их продажа по удешевленной цене, одеждой, пищей, помощь в жилье и т. п.; назначение в исключительных случаях денежных пособий.

Организация управления обществ вспомоществования учащимся была сходной и осуществлялась правлением обществ и общим собранием их членов.

В правление обществ входили обычно четыре выборных лица, избравшихся общим собранием членов общества из среды духовенства сроком на два года, а также со званием «непременного члена» (по усмотрению епархиального архиерея), но не свыше трех представителей того учебного заведения, где создавалось общество.

Бюджет обществ регламентировался уставом, на основании которого общественные средства складывались из единовременных и ежегодных членских взносов, пожертвований деньгами, учебными книгами, пособиями, одеждой и прочих доходов от принадлежавших обществу имущества и капиталов. Подписные листы обычно рассылались через благочинных по церквам епархий.

В период с 1900 по 1905 г. в России было закрыто 4468 церковно-приходских школ, что объяснялось изменением позиции Министерства народного просвещения, обязавшего церковь выплачивать расходы на их содержание (не ниже 360 руб.) и тройку зданий [26. С. 78].

Февральская революция 1917 г. привела к тому, что 20 июня все церковно-приходские школы и другие церковные училища были переданы в ведение Министерства народного образования. После октябрьских событий 1917 г. эти школы прекратили свое существование.

Список литературы

1. Аллагулов, А. М. Деятельность Святейшего Правительствующего Синода по формированию образовательной политики в России во второй половине XIX – начале XX вв. / А. М. Аллагулов. – Оренбург, 2012. – 56 с.
2. Анастасьев, А. Религиозно-нравственное воспитание в начальной школе / А. Анастасьев // Народное образование. – 1904. – Кн.11. – Т. 2.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп 3. Д. 5852.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп 1. Д. 66.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5435.
6. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. В.93.
7. Корнетов, Г. Б. История педагогики: монография / Г. Б. Корнетов – М. : АСОУ, 2013. – 460 с.
8. Костикова, М. Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения Российской империи в 19 веке: монография / М. Н. Костикова. – СПб. : РГПУ. – 2001. – 288 с.
9. Кузнецов, В. А. Религиозно-нравственное воспитание Оренбургского казачества / В. А. Кузнецов // Оренбургское казачье войско. Религиозно-нравственная культура: сб. науч. тр. – Челябинск, 2001. – С. 75–94.
10. Литвак, Б. Г. Русское православие в XIX в. // Русское православие: веки истории / Б. Г. Литвак. – М. : Политиздат, 1989. – С. 309–379.
11. Липчанский, А. М. Становление в России общего массового школьного образования в период социально-экономических преобразований / А. М. Липчанский. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2001. – 279 с.
12. Луппов, П. Ремесленные занятия при церковных школах / П. Луппов // Народное образование. – 1904. – Кн. 9. – Т. 2.
13. Народная школа. – 1883. – № 8.
14. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1881. – № 4.
15. Оренбургские епархиальные ведомости. – Оренбург, 1889. Приложение к № 2.
16. Оренбургские Епархиальные ведомости. – 1902. – № 5.
17. Оренбургские Епархиальные ведомости. – 1896. – № 1.
18. Отчет о состоянии церковно-школьного дела в Оренбургской епархии за 1893–1894 учебный год. – Оренбург, 1895.
19. Отчет о состоянии церковно-школьного дела в Оренбургской епархии за 1893–1894 учебный год. – Оренбург, 1895.
20. Отчет о состоянии церковно-приходского дела в Оренбургской епархии за 1905 год. – Оренбург, 1906.
21. Полунов, А. Ю. Церковь, власть и общество в России (1980-е – первая половина 1890-х гг.) / А. Ю. Полунов // Вопросы истории. – 1997. – № 11.
22. ПСЗ-3. Т. 4. СПб., 1884. – № 2318.
23. ПСЗ-3. Т. 5. СПб., 1885. – № 2405.
24. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – 2 т.
25. Ручной труд в народной школе // Народное образование – 1904. – Кн. 4. – Т.1.
26. Стародубцева, М. С. Теория и практика церковно-приходской школы во второй половине XIX – начале XX в. / М. С. Стародубцева. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. – 154 с.
27. Чернавский, Н. Оренбургская епархия в ее прошлом и настоящем / Н. Чернавский // Труды ОУАК. Вып.10 – Оренбург, 1903. – С. 393.